

КАНТИАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ПЕРЦЕПЦИИ

*Работа представлена кафедрой философии и методологии науки
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.*

В статье дается анализ кантовской концепции восприятия в контексте проблемы проекции как конститутивного элемента перцепции. Автор рассматривает различные аспекты кантовского понимания процесса чувственного познания, выявляя различные типы проекции, участвующие в этом процессе. Он приходит к выводу, что Кант является первым, кто имплицитно ввел в философию представление о проекции в качестве творческой и генерирующей основы перцепции.

Ключевые слова: *перцепция, трансцендентальная проекция, априорный синтез, трансцендентальный субъект, априорные структуры опыта.*

I. Statkevich

KANTIAN REVOLUTION IN THE UNDERSTANDING OF THE PERCEPTION NATURE

Kant's concept of perception is analysed in the article in terms of the projection problem as a constitutive element of perception. The author considers different aspects of Kant's understanding of the sense perception process and determines various projection types participating in this process. He makes a conclusion that Kant is the first one who implicitly introduced the idea of projection in philosophy as a creative and generating basis of perception.

Key words: *perception, transcendent projection, aprioristic synthesis, transcendent subject, aprioristic experience structures.*

Как показывает рассмотрение концепций восприятия, разработанных в докантианской философии Нового времени, одним из ключевых моментов перцепции является проекция*. Однако несмотря на то что идея проекции в контексте проблемы перцепции имплицитно присутствует у многих философов Нового времени, по-настоящему доминирующей эта идея становится только в результате коперниканского переворота, осуществленного в теории познания Иммануилом Кантом. Специфика кантовского подхода к проекции в восприятии заключается в том, что проекция интерпретируется здесь в основном уже не в эмпирическом (психологическом), а в трансцендентальном смысле. Хотя уже представители рационализма говорили о важности врожденного знания как элемента познания, никто до Канта не уловил главного момента в этом процессе: того, что

только наделяя предмет своим собственным, а не взятым из опыта смыслом, субъект может его познавать.

Принципиальное отличие кантовского априоризма от иннеизма рационалистов заключается не только в том, что Кант не утверждает врожденного характера априорных структур сознания. Намного важнее то, что субъект в процессе познания перестает воспринимать уже готовую реальность и активно преобразует свой объект. Объект познания становится теперь результатом преобразовательной деятельности субъекта, а сам субъект выступает не в пассивной роли созерцателя уже имеющегося знания (чувственных и математических идей), а активно подводит данные опыта под априорные структуры своего рассудка, решая при этом задачи явно творческого характера. Не случайно в качестве основы познавательного

процесса и самого чувственного опыта Кант выдвигает *воображение*, благодаря которому, в конечном счете, осуществляется три синтеза, конституирующих трансцендентальную апперцепцию (важнейшее условие любого опыта), и действует механизм схематизации, необходимый для согласования различных познавательных способностей. Безусловно, всякая проекция, осуществляемая сознанием, предполагает участие в этом процессе воображения. Согласно Канту, субъект должен не только воспроизводить готовые трансцендентальные структуры, но и конституировать с помощью них разрозненные чувственные данные (материю опыта), что предполагает его умение подводить случайное эмпирическое содержание под необходимые формы и категории, имеющиеся у него a priori. Механизм проекции у Канта, таким образом, получает двойственный смысл: с одной стороны, он говорит о трансцендентальном как неких платоновских формах человеческого познания; с другой стороны, речь идет о способности субъекта переносить эти формы на хаотическое чувственное содержание, организуя с помощью них сам опыт. Трансцендентальное оказывается одновременно своеобразной *causa sui*, поскольку экспликация его генезиса не может выйти за рамки самих познавательных возможностей (т. е. самого трансцендентального), и способом упорядочения чувственного многообразия, которое само, в свою очередь, предполагает трансцендентальный синтез этого многообразия (об этом свидетельствует проводимое Кантом различие между рассудочным и фигурным синтезом). Иными словами, трансцендентальное должно обладать способностью самопорождаться, структурировать чувственное многообразие в качестве такового и осуществлять связь между этим многообразием и единообразием рассудочных категорий. Иными словами, подводить это многообразие под категории рассудка, осуществляя схематизацию чувственного данного. Отсюда возможность тройкого понимания проекции у Канта.

Первая из этих линий, правда, остается не эксплицированной. Кант почти не уделяет

внимания синтезу самих трансцендентальных структур. Исключение составляет не вошедший во второе издание «Критики чистого разума» фрагмент, в котором он пытается выявить генезис категориального синтеза в рамках субъективной дедукции рассудочных категорий. Иначе говоря, Кант выходит за пределы постулируемой им в «Критике чистого разума» задачи: обосновать возможность научного познания и выяснить возможность метафизики как науки – и пытается осуществить глубинное исследование генезиса самого трансцендентального субъекта. Этот опыт, однако, по-видимому, не удовлетворил самого Канта, и поэтому данный фрагмент не вошел во второе издание «Критики чистого разума».

Три синтеза, описанных Кантом в этом фрагменте, встраиваются друг в друга по принципу матрешки: синтез аппергензии (схватывания в созерцании) предполагает синтез воспроизведения в воображении, который, в свою очередь, нуждается в синтезе рекогниции (узнавания в понятии), так как с помощью этого третьего синтеза конституируется сама *объектность* чувственного многообразия**. «То, что синтез рекогниции присутствует в двух первых синтезах, означает, что отношение к предметности как законсообразной имеет место и в синтезе схватывания (аппергензии), и в синтезе воспроизведения» [2, с. 15]. Однако в основе всех этих трех синтезов лежит четвертый имплицитно предполагаемый Кантом синтез: продуктивный синтез воображения, поскольку именно с его помощью происходит конституирование самого трансцендентального Я, являющегося главным и необходимым условием любого когнитивного опыта. «Таким образом, рассмотрение «познавательной способности» в «Критике чистого разума» принципиально не сводится к предохранению познания от заблуждений, т. е. к критике. В основе теории познания Канта лежит определенное понимание сознания, которое эксплицируется в виде очерка о взаимопроникновении трех видов синтеза и о необходимости продуктивного синтеза, лежащего в их основе». «Кант не принимает воззрений

XVI–XVII вв., согласно которым природа – это книга, уже написанная божественным интеллектом (по Галилею, в частности, на языке математики), и задача состоит в том, чтобы прочесть ее. Согласно Канту, человек сам пишет эту книгу, и главным орудием его является продуктивное воображение» [2, с. 17].

Различие между объективной и субъективной дедукцией категориального синтеза, т. е. фактически отличие между второй и первой редакцией «Критики чистого разума», заключается в том, что объективная дедукция берет трансцендентальную апперцепцию как свершившийся факт, в то время как субъективная дедукция ставит вопрос о ее генезисе и фактически связывает этот генезис с действием продуктивного воображения. В самом деле, как показал еще Юм, мы не можем извлечь идею Я ни из какого опыта, следовательно, у этой идеи нет никакой чувственной подосновы, но мы не можем также говорить и о какой-то субстанциональной основе этой идеи, как делал Декарт, так как принцип ясного и очевидного знания в данном случае ничего не сообщает нам о *реальном* бытии *res cogitans*. Иначе говоря, ясно и отчетливо мы постигаем только *трансцендентальное*, а не *трансцендентное* бытие *res cogitans*. Следовательно, бытие *cogito*, несмотря на свою очевидность, становится совершенно безосновным и не соответствует никакому субстанциональному бытию. Отсюда естествен вывод о том, что оно является результатом продуктивной силы трансцендентального воображения.

Кант, как известно, выстраивал свою концепцию трансцендентального идеализма, во многом отвечая на те вопросы, которые поставил в своей теории познания Юм. Этот последний существенно переориентировал проблематику проекции в философии: если Мальбранш и Локк говорили еще главным образом о перенесении во внешнюю реальность «вторичных качеств» предметов, в то время как математические структуры характеризовали предметы сами по себе, так же как и открываемые наукой механические законы, то Юм фактически похоронил этот наивный объективизм, показав, что продуктом

нашей проекции являются не только и не столько вторичные качества вещей, сколько сами отношения между вещами, которые мы навязываем последним с тем, чтобы было удобнее их мыслить. Безусловно, Кант позаимствовал у Юма этот ход рассуждения, так как для него результатом проекции являются именно первичные качества, те аподиктические структуры реальности, которые мы привыкли рассматривать как незыблемые, а потому объективные и независимые от субъекта. Однако, в отличие от Юма, Кант понимал, что такой смелый шаг потребует введения новой онтологии, поскольку аподиктические суждения не могут быть основаны на нашей спонтанной уверенности и привычке. Кроме того, он пошел дальше Юма и в том смысле, что усмотрел в самом опыте повторяющиеся и необходимые моменты, которые станут для него знаками этой онтологии субъективности. Несомненно, Юм оставался более верен феноменалистской установке, чем Кант, пытаясь понять работу сознания, исходя из самого опыта, однако мудрость Канта состояла в его понимании того, что в некоторых случаях мы не в состоянии проследить генезиса нашего опыта и что мы имеем дело только с продуктами этого генезиса. В этом и заключается специфика трансцендентального метода по сравнению с методом эмпирического феноменализма, который пытается осуществить проникновение именно в работу самой субъективности. Осознав ограниченность работы самого разума, Кант отказался и от субъективной дедукции, заменив ее объективной.

Поэтому выстроенная Кантом структура трансцендентального субъекта вовсе не была задумана как окончательное и догматическое решение проблемы субъективности. Напротив, сам трансцендентальный субъект был всего лишь *проекцией* рефлексировавшего философа, пытавшегося решить определенные вставшие перед ним проблемы. Безусловно, Кант достраивал эмпирическую субъективность Юма лишь в контексте решаемых им задач, однако созданная им конструкция показывает, что тот выход за рамки опыта, который необходим для его осуществления,

происходит не только благодаря действию самих чувственных и органических факторов (таких, как привычка и спонтанная вера), но и посредством более сложной когнитивной работы, в основе которой лежит работа продуктивного воображения, и что эта когнитивная работа предполагает создание определенных форм познания, способных придавать опыту устойчивость и осмысленность. Кант показал, что формальная упорядоченность опыта, исходящая от самого субъекта и необходимая ему для успешной ориентации в мире, свидетельствует о том, что, для того чтобы постичь реальность, субъект должен внести в нее нечто от себя и тем самым, в некотором смысле, субъективировать эту реальность. Поэтому восприятие мира является двусторонним процессом: не только объект воздействует на субъекта, но и субъект воздействует на объект, подвергая его определенной трансформации. Реальность может быть познана, только будучи измененной.

Это изменение, по Канту, заключается в том, чтобы наделить реальность (предстоящую нам изначально в виде разрозненного и разнообразного чувственного опыта) определенную *форму*. Содержание опыта исходит от вещи в себе, аффицирующей нашу чувственность, поэтому оно всегда случайно и апостериорно; форма опыта, напротив, привносится в него субъектом, поэтому она априорна и необходима. Субъект воспринимает и мыслит реальность благодаря имеющейся у него познавательной способности, которая, в свою очередь, распадается на три основные способности: чувственность, рассудок и разум, к которым присоединяется еще связывающий чувственность и рассудок трансцендентальный схематизм (способность суждения). Каждый из этих уровней трансцендентального субъекта обладает собственными априорными формами.

Форма может быть отделена от содержания только путем абстрагирующей рефлексии, поскольку в действительном опыте она всегда связана с определенным чувственным содержанием. Способ такого отделения формы опыта от его содержания Кант и называет трансцендентальным методом. Этот

метод, по существу, заключается в том, чтобы очистить опыт от всей чувственной материи, иначе говоря, от всех *ощущений*. С точки зрения эмпирической философии, результатом такой операции должна стать полная элиминация имеющегося у нас знания. Однако Кант утверждает, что «хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [2, с. 105]. Этой знаменитой фразой он дистанцируется одновременно и от иннеизма, и от эмпиризма и вводит нас в проблематику возможности априорных синтетических суждений, составляющую основу его теории познания.

Кантовский подход к опыту целиком опирается на идею проекции, хотя философ и не употребляет самого этого термина. Содержание опыта проективно не только в том, что касается его трансцендентальной формы, но и в плане его чувственного содержания. Несмотря на то что Кант акцентирует внимание на том, что субъект вносит в опыт именно форму, он также не забывает сказать и о том, что чувственная материя опыта, хотя и не производится самим субъектом, так как является результатом ноуменального воздействия, но тем не менее содержит в себе следы субъективности. Ощущение является, по сути, субъективным отражением ноуменального воздействия. В этом Кант несколько не расходится с Мальбраншем. «Действие предмета на способность представления, поскольку мы подвергаемся воздействию его, есть *ощущение*» [1, с. 127]. Ощущение, безусловно, связывает трансцендентального субъекта с ноуменом, однако вместе с тем оно зависит от субъективной способности подвергаться его воздействию. Следовательно, ощущение в той же степени является продуктом вещи в себе, в какой оно является продуктом самой чувственности.

Итак, смысл самопорождения трансцендентального у Канта в целом прояснен не был, осуществить это прояснение попытается Фихте, проделав полную дедукцию своей системы из абсолютного Я. Довольно сложная конструкция трансцендентального субъекта, включающего в себя априорные формы

чувственности (пространство и время), категории рассудка, связывающие рассудок и чувственность схемы способности суждения, идеи чистого разума и трансцендентальную апперцепцию, выступает в качестве статичной и незыблемой структуры абсолютной субъективности, противостоящей абсолютной объективности вещи в себе и осуществляющей проекцию априорных смыслов в поле опыта.

Следующим принципиальным аспектом трансцендентального, в контексте проблемы проекции, является то, что Кант именует *фигурным синтезом* (*synthesis speciosa*) и противопоставляет *интеллектуальной связи* (*synthesis intellectualis*). Это означает, что фигурный синтез следует отличать от синтеза посредством категорий рассудка, в нем участвуют априорные формы чувственности (пространство и время) и трансцендентальная апперцепция (чистое единство самосознания). В отличие от интеллектуального синтеза, в котором чувственное многообразие подводится под унифицирующее его понятие (априорную категорию), в фигурном синтезе осуществляется конституирование самого чувственного многообразия в качестве некой категориально неопределенной предметности. Именно этот момент мы и выделим в качестве *второго аспекта проекции* в трансцендентализме Канта. «И тот и другой синтез *трансцендентальны* не только потому, что они сами происходят а priori, но и потому, что они составляют основу возможности других априорных знаний» [1, с. 204].

Принципиальное отличие фигурного синтеза от интеллектуального заключается в том, что этот первый является синтезом воображения, а не рассудка, причем речь в данном случае идет о *трансцендентальном*, т. е. *продуктивном*, воображении. Очевидно, что разделение двух этих синтезов (синтеза чистой апперцепции и категориального синтеза) сообщает двойственность и самой проекции в кантовском дискурсе. В самом деле, в двух этих случаях речь идет о сообщении конституируемой реальности двух совершенно различных смыслов: в первом случае происходит синтез самого чувственного многообра-

зия как некоего единства, во втором этому единству сообщается то или иное априорное значение, соответствующее рассудочной категории, под которую это многообразие подводится. Двойственность этих операций сознания выражается Кантом посредством разделения *осознания* и *познания*, которое он вводит в ходе экспликации взаимодействия внутреннего чувства и рассудка в процессе постижения субъектом самого себя. Такое постижение, по мнению Канта, также не может дать нам знания о себе как ноуменах, мы можем познавать себя лишь такими, какими мы себе являемся. И эта явленность себе, стало быть, уже предполагает момент проекции: фигурный синтез осуществляется здесь благодаря форме времени. Время есть форма внутреннего чувства, благодаря которой мы можем сознавать себя, но не познавать, поскольку последнее становится возможным только при взаимодействии чувственности и рассудка. Иными словами, при взаимодействии фигурного и интеллектуального синтезов. Каждый из этих синтезов, таким образом, осуществляет проекцию определенного дополнительного смысла на неструктурированное чувственное данное. Априорный синтез в принципе невозможен без проекции. Фигурный синтез придает единство чувственному многообразию, конституируя его как таковое, интеллектуальный синтез позволяет понятийно осмыслить это чувственное многообразие и проанализировать его, подводя под априорную таблицу категорий.

Двойственный характер синтеза у Канта позволяет нам сделать вывод о двойственном характере самой перцепции. В самом деле, перцепция осуществляется в пространстве двойной интенции: с одной стороны, она интендируется воображением, производящим фигурный синтез, с другой – рассудком, подводящим чувственное многообразие под априорные категории. Двойственность этого синтеза свидетельствует о том, что сам феномен не только четко структурирован чувственным и интеллигибельным элементом, но и о том, что эти элементы совершенно по-разному обнаруживают себя в феномене. Если чувственный момент заявляет о себе сам,

то рассудочный предполагает категориальную интерпретацию непосредственной перцепции. Эта последняя создается благодаря фигурному синтезу, главная роль в котором принадлежит воображению.

Априорные пространство и время понижают сами чувственные феномены, придавая им определенный смысл, благодаря тому, что трансцендентальное воображение проецирует эти априорные формы на чувственные данные. Однако вместе с тем очевидно, что пространство и время конституируют не только саму актуальную перцепцию, но и тот мир, который только *может* быть нами воспринят. Воспринимая окружающие предметы, мы заранее знаем, что и те феномены, которые мы еще не созерцали, но только *будем* созерцать, тоже будут иметь ту же пространственно-временную структуру. Иначе говоря, пространство и время как априорные формы чувственности конституируют определенный горизонт опыта, который проецируется сознанием на *еще не познанное*, по существу, придавая виртуальную форму тому измерению реальности, которую можно назвать *миром возможным*. Априорность пространства и времени – это тот фактор, который позволяет субъекту трансцендировать наличную реальность и организовать дополнительный слой реальности, который отличает человеческий мир от мира животных. Последние, согласно Канту, не способны к априорному познанию и, следовательно, ограничены непосредственной данностью.

Поэтому пространство и время выступают лишь в качестве форм *человеческого* представления реальности и, в этом смысле, конституируют не феноменальный мир вообще, а именно *человеческий* феноменальный мир. В этом Кант остается на позициях психологизма и антропоцентризма, не рискуя по-настоящему универсализировать своего трансцендентального субъекта и его жизненный мир, признавая тем самым антропоморфную природу того, что он называет трансцендентальным, во многом уступая гораздо более радикальному Гуссерлю, особенно в ранний период его творчества. При этом Кант, конечно, ни в коей мере не ото-

ждествляет эмпирическую и трансцендентальную точку зрения на перцепцию и сами феномены. Последние для него охватывают всю совокупность реальности, воспринимаемой нами в пространстве и во времени. Поэтому его понимание вещей самих по себе, в отличие от многих эмпиристов и интеллектуалистов, исключает какое-либо наглядное содержание. Все, что мы способны созерцать, уже несет на себе печать трансцендентальной проекции, а потому может иметь только intersубъективный, но не объективный смысл, если понимать под этим последним бытие вещей как они существуют независимо от познающего субъекта. Пространство и время как априорные формы чувственности вносят принципиально различный смысл в конституируемую ими перцепцию. Пространство есть не что иное, как способ экстерииоризации перцепции, тогда как время – способ ее интериоризации. Все внешнее для нас неизбежно принимает форму пространства, все внутреннее – форму времени. При этом Кант разделяет ноуменальное и феноменальное во внешнем и внутреннем. Мир и душа понимаются им не только в качестве регулятивных идей чистого разума, но и как определенные сферы трансцендентного. Поэтому он говорит о созерцании себя в форме времени так, словно речь идет о созерцании какого-то объекта. Кантовское понимание субъективности, в этом смысле, сильно расходится с картезианским. Субъект утрачивает прозрачность для самого себя, оказывается расколотым, а формой этого раскола выступает время, которое разделяет ноуменальное и феноменальное в самом субъекте: «внутреннее чувство представляет сознанию даже и нас самих только так, как мы себе являемся, а не как мы существуем сами по себе, потому что мы созерцаем себя самих лишь так, как мы внутренне *подвергаемся воздействию*» [1, с. 205]. «...Отсюда следует, что мы должны располагать во времени определения внутреннего чувства как явления точно таким же образом, как мы располагаем определения внешних чувств в пространстве, и потому, если мы признаем относительно внешних чувств, что объекты познаются посред-

ством них лишь постольку, поскольку мы подвергаемся воздействию извне, мы должны также признать и относительно внутреннего чувства, что посредством него мы созерцаем себя самих лишь постольку, поскольку мы сами воздействуем на себя изнутри, т. е. во внутреннем созерцании мы познаем свой собственный субъект только как явление, а не по тому, как он существует в себе» [1, с. 208].

По существу, пространство и время у Канта, выступая в качестве вносимых субъектом в опыт априорных форм, играют роль той имажинативной надстройки над содержанием опыта, которая позволяет субъекту выйти за рамки непосредственно данного и конституировать *мир возможного*, который характеризует специфически человеческий способ познания и существования. Фактически ту же функцию выполняют и другие трансцендентальные структуры сознания.

Процесс созерцания, согласно Канту, невозможен без участия в нем рассудка. Рассудок проявляет себя уже на уровне фигурного синтеза, однако в полной мере его потенциал как познавательной способности раскрывается лишь в ходе интеллектуального синтеза. Именно здесь трансцендентальное исследование рассудка демонстрирует парадигмальную для кантовской теории познания идею: процесс познания (в том числе чувственного) возможен только при условии, что *объект подчиняется субъекту*. Именно с помощью этой идеи Кант выходит от того эпистемологического тупика, в который завел новую философию широко распространившийся в этот период скептицизм, в особенности, скептицизм Дэвида Юма. Под объектом, естественно, тут следует понимать не вещь саму по себе, а познаваемый объект или, точнее, объект в той мере, в какой он нами познается.

Подобно чувственности, рассудок у Канта представляет собой прежде всего некую структуру. Эта структура эксплицирована в «Критике чистого разума» в таблице трансцендентальных категорий. Этих категорий всего двенадцать – в соответствии с числом типов связи между субъектом и предика-

том в суждении. Проще говоря, с количеством возможных типов суждений. Если Аристотель полагал, что человек может высказать десять типов суждений о каком-либо предмете, то Кант, в соответствии с формальной логикой своего времени, утверждает, что всего существует двенадцать таких типов и, следовательно, именно двенадцать априорных категорий характеризуют всякий человеческий рассудок, независимо от того языка, на котором говорит обладатель этого рассудка. Эта концепция, по существу, представляет собой попытку создания философии языка, поскольку устанавливает определенные структуры мышления, предшествующие любому языку, а следовательно, оказывающие влияние на его формирование. В современной философии, как известно, существует, по крайней мере, одна концепция, полностью согласующаяся с этой гипотезой. Это концепция генеративной грамматики Ноама Хомского.

Применение рассудка имеет у Канта, несомненно, проективный смысл, однако последний предполагает наличие изначальной и нередуцируемой чувственной материи, т. е. всегда обладающего определенной интенсивной величиной *ощущения*. В результате фигурного синтеза материя опыта приобретает дополнительные смыслы экстериторного или интериторного, пространственного или временного чувственного многообразия, а в результате интеллектуального синтеза в него имплицитно включается какое-то категориальное значение, в соответствии с двенадцатичленной таблицей трансцендентальных категорий. Однако без наличия этой первоначальной чувственной материи сложный механизм двойного синтеза оказывается недействующим и процесс познания не осуществляется. Поэтому вместо познания мы имеем дело только с видимостью и иллюзией, в которой, по мнению Канта, пребывает вся классическая метафизика. Правда, и в паралогизмах чистого разума (например, в первом паралогизме, утверждающем существование души на основании единства трансцендентальной апперцепции как структуры опыта) присутствует момент проективного переноса, имен-

но переноса из феноменальной в ноуменальную сферу, однако очевидно, что здесь он способствует не познанию, а иллюзии и заблуждению.

Абсолютная гетерогенность дискурсивной и чувственной познавательных способностей, однако, ставит перед кантовской философией еще один вопрос, в котором вновь затрагивается идея проективного момента в перцепции. Трансцендентальная схема, призванная согласовать чувственность и рассудок, сама становится источником определенных проективных стратегий: она присваивает временной смысл самим априорным категориям, с тем чтобы стала возможной интеграция этих категорий в чувственное содержание опыта и, стало быть, подведение этого содержания под сами категории, которые необходимы для унификации чувственного многообразия.

Время как универсальная форма чувственности, являющаяся условием *любого* опыта, поскольку проецируется и на пространственные феномены, которые мы переживаем также *внутренне*, несет в себе, таким образом, двойной смысл: универсального и чувственного. Именно поэтому оно становится тем связующим звеном, которое соединяет две совершенно гетерогенные познавательные способности: рассудок и чувственность, делая возможным интеллектуальный синтез чувственного многообразия.

Для того чтобы категория (как совершенно не связанное с каким-либо наглядным смыслом) универсальное понятие могла быть подведена под материю опыта, предварительно вставленную в форму пространства и времени, сама категория должна, так сказать, *овремениться*. Без этой операции категории вообще не имели бы ничего общего с опы-

том, который у Канта может быть только чувственным. Добавление временного смысла категориям осуществляет, как известно, *способность суждения*. Результатом деятельности последней и становится трансцендентальный схематизм. Кант подчеркивает, что, хотя схема есть продукт воображения, ее нельзя отождествлять с образом: в ней речь идет не о «единичном созерцании», а о единстве «в определении чувственности». Схема, имплицитно в себе чувственные формы и рассудочные категории, заключает в себе весь априорный смысл, который познавательная способность проецирует на ощущение. Следовательно, именно в трансцендентальном схематизме в полной мере проявляется проективная природа апперцепции. Посредством схемы познающий субъект окончательно конституирует чувственное данное в качестве феномена и подчиняет себе познаваемый объект, имплицитно в содержание непосредственного опыта свое *cogito* (трансцендентальную апперцепцию), априорные формы пространства и времени и подводя под это многообразие дискурсивные значения трансцендентальных категорий.

Таким образом, Кант фактически вводит в философию идею трансцендентальной проекции, являющейся важнейшим моментом перцептивного опыта. Речь в его философии идет уже не о пассивной и автоматической проекции Мальбранша и Юма, а о *творческой* проекции трансцендентального субъекта, который вносит в опыт определенное духовное содержание, творимое им самим, а не просто вытекающее из воздействия вещи в себе, аффицирующей нашу чувственность. Поэтому понятие *трансцендентальное* необходимо здесь толковать именно в смысле *духовного* и *творческого*, а не просто в смысле предданного.

ПРИМЕЧАНИЯ

* См. статью Статкевич И. А. «Проективный смысл перцепции в докантианской философии».

** Сам Кант по этому поводу пишет следующее: «Если бы всякое представление было чуждо другим представлениям, как бы изолировано и обособлено от них, то никогда не возникло бы ничего похожего на знание, так как знание есть целое, состоящее из сопоставимых и связанных между собой представлений. Поэтому если я приписываю чувству способность обозрения (*Synopsis*), так как оно в своих созерцаниях содержит многообразие, то этой способности обозрения всегда соответствует син-

тез, и восприимчивость делает возможным знание, только если она связана со спонтанностью. Эта спонтанность есть основание троякого синтеза, необходимо происходящего во всяком знании, а именно схватывания представлений как модификаций души в созерцании, воспроизведения их в воображении и узнавания (Recognition) их в понятии. Эти виды синтеза ведут к трем субъективным источникам знания, делающим возможным самый рассудок и через него весь опыт как эмпирический продукт рассудка» (КЧР. С. 700).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
2. *Молчанов. В. И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1988. 144 с.

REFERENCES

1. *Kant I.* Kritik chistogo razuma // Soch.: v 6 t. M.: Mysl', 1964. T. 3. 799 s.
2. *Molchanov V. I.* Vremya i soznaniye. Kritik fenomenologicheskoy filosofii. M.: Vysshaya shkola, 1988. 144 s.